

Ах, Александр Сердцевич...

Жил-был художник один... Жил в Одессе в очень необычное время — расцвета левого искусства. Уже никто не вспомнит сейчас молодого Сандро... Сейчас нам это имя скорее напомнит героя Фазиля Искандера "Сандро из Чегема". А он был Сандро Фазини из Одессы. Сохранилась старая семейная фотография. Высокий стройный юноша с горящими глазами, гибкий, как клинок, словно готовый шагнуть из застывшего мира фотографии нам навстречу, в грядущее. Воспоминаний о нем не писали. Каким он был — уже никто никогда не скажет.

Впрочем, его младший брат, ему подражавший, даже в самые лютые и оборванные дни был похож на парижского франта — с таким не одесским изяществом носил он свою кепку и заштопанное кашне. Именно Александр Файнзильберг заразил Илью любовью к Франции, ее литературе, искусству, языку.

Молодой Александр, Сруль Файнзильберг, год рождения 1892-й. Так долгое время указывали в тех словарях, куда каким-то чудом попал забытый художник Сандро Фазини. Но, когда в декабре 2002 готовились отметить 110-летие со дня его рождения, выяснилось, что Сруль Арье родился 23 декабря 1892 (4 января 1893) в Киеве. Единственный из братьев

S. Fasini

Файнзильбергов, родившийся не в Одессе, он, как и младшие, детство и юность провел в Одессе. Окончил 2-е еврейское казенное училище. Рисовал, фотографировал — и чуть ли не с пятнадцати лет публиковал свои работы на страницах журналов.

Он родился художником, был просто обречен стать художником. И не в том дело, что учился в знаменитом Одесском художественном училище. Александру едва исполнилось восемнадцать лет, а одесский журнал "Крокодил", известный всей России, уже числит его своим сотрудником. И со второго номера появляются заставки, виньетки, обложки — то легкие, лаконичные, одним росчерком, то изощренные. Он еще играет псевдонимами: А. Ф., S. Fasini, S. F., С. Фазини. Уже будучи известным художником, поступает в художественное училище (ради "корочки", как сказали бы мы сегодня). Его карикатуры, остроумные, по-бердслеевски изысканные в "Крокодиле" 1911 года сменяются футуристическими на страницах журнала "Театр и кино" в 1916.

Альманахи стихов, положившие начало знаменитой одесской юго-западной школе выйдут с обложками его работы. "Серебряные трубы" — изысканы и немало вычурны.

"Мы знали все — нас встретят грубо.
Но все ж, сметая с улиц сплин,
Поют "Серебряные трубы"
За пыльным зеркалом витрин", —

писали молодые поэты в рекламе.

А затем были "Авто в облаках" ("Если у Маяковского — "Облако в штанах", почему бы в Одессе не быть "Авто в облаках"? — резонно вопрошали авторы) с яркой, авангардной обложкой и портретами, исполненными в манере кубистов. Портрет же Петра Сторицына из последнего, не

увидевшего свет альманаха, вполне можно принять за работу самого Пикассо. Именоваться альманах должен был "Смутная алчба". Но... наступили смутные времена. Смутные, но с неожиданно бурной культурной жизнью. И как символично, что Фазини примыкает к Обществу Независимых художников, или попросту Независимых.

Можно сказать, что если старик Фунт сидел при всех властях, то Фазини выставлялся при всех властях: австрийцах и французах, большевиках, добровольцах. Работы его

указаны в каталогах художественных выставок 1917-1919 гг.: "независимых" художников, в ноябре-декабре 1917, 1918, 1919; Первой народной выставки картин, плакатов, вывесок и детского творчества в июле 1919. В рецензиях его неодобительно называли "кубистом". Самая остроумная и ядовитая из газет того времени "Перо в спину" удостоила художника чести быть занесенным в "Галерею одесситов":

"По происхождению, конечно, итальянец. С разрешения Гершенфельда и Нюренберга — очень талантлив.

В детстве, по недосмотру няньки, ударился темечком о кубики и с тех пор страдает "плясом недоумелой свечки".

Прославился нашумевшим в свое время автопортретом — "Свет керосиновой лампочки" (обыгрывается название одной из его работ).

Наверное, в том же стиле было расписано и литературно-артистическое кабаре "Веселая канарейка" в подвале Крымской гостиницы, в доме № 1 по Сабанееву мосту. "Стены сплошь расписаны по эскизам лучших одесских и петербургских художников". "Подвал отделан по эскизам художников В.Н. Мюллера, С.С. Олесевича, А.А. Фазини, С.С. Зальцера и др.". "В "Канарейку" будут пропускаться актеры, журналисты и художники. Остальная публика по исключительно высоким ценам". Ах, как там было весело. Но... сменилась власть, исчезли росписи со стен, да и дом не уцелел...

Ироничность, остроумие — родовая черта братьев Файнзильберг. И неудивительно, что Сандро участвует и в сатирическом журнале "Бомба" 1917 года, и в разухабисто-веселой газете "Яблочко". Теплая компания там собралась: С. Олесевич, Продаевич и Фазини. Они шутливо называли себя "ПОФ". Редакция ехидно обозначила их поэтами и беллетристами, а Э. Багрицкого, Ю. Олешу, Анатолия Фиолетова — художниками. Что ж, Фазини и впрямь стал поэтом. Он писал стихи, называя их "поззо-эксцессами":

Воззвание

Разве не тошно,
 Что всякая повальная знаменитость,
 Как, например, Максимилиан Волошин,
 Когда вы уже злитесь,
 Занимается уженьем грамотной рифмы?
 Разве не приятней,
 Что на каждой крыше трубы
 Грубо квадратные
 Вытягивают губы.
 Боже мой,
 Радуйтесь, что это я на валторне
 Ухищряюсь ногой
 Играть так проворно,
 Что у каждой женщины рвутся прыщи любовные?
 И разве не солнце
 Взбучивает пузырями нервы?
 И разве не немцы,

Не немцы первыми
Спасут революцию?
Так почему же носы у всех в трауре
И потные лица?
Ну где же амбиция?
Бейте же по мокрому,
Весело войте под окнами,
Вытирая слезы горбами: —
Это нужно для Революции.

Впрочем, писал он и вполне серьезно — о художнике Анри Руссо. Ах, Франция, Париж, Монмартр...

При большевиках работал в окнах ЮгРОСТА. Один из его товарищей, Арго, вспоминал: "Фазини, брат Ильфа, хороший график, переехавший в Париж, где живет и по сей день". Это опубликовано в 1965 году. Ах, если бы так...

Валентин Катаев в повести "Трава забвения" писал: "...громадный щит-плакат под Матисса работы художника Фазини — два революционных матроса в брюках клеш с маузерами на боку на фоне темно-синего моря с утюгами броненосцев", — Фазини верен себе при любой власти.

По рассказам старожиллов, вроде бы в 23 году перебрался в Харьков, тогдашнюю столицу Украины, сотрудничал с ЛЕФОм, а с 1924 — обосновался в Париже. Но это со слов — а словари единодушны — в Париже с 1922-го.

И действительно — в начале 1922 года Фазини эмигрировал. Надо сказать, продолжив семейную традицию: практически все родственники Арье Файнзильберга еще в конце девятнадцатого века перебрались из Америки. В конце двадцатого века тамошние Файнсилверы передали племяннице Сандро, А.И. Ильф, копию письма в Америку. Оно отправлено 23 апреля 1922 из Константинополя дяде Натану: "К сожалению, сейчас нельзя делать выбора, и выбирать Россию сейчас как поприще — значит выбирать смерть".

Ах, как хорошо, когда мечты сбываются. И даже лучше, что Сандро в Париже с 1922-го. Ведь впереди у него жизнь парижского художника, участие в таких салонах — Осеннем, Тюильри, Независимых (а характер-то остался тем же). В Одессе его называли кубистом, в Париже — сюрреалистом. В галерее Вавен-Распай висели рядом работы Фазини и Пикассо.

Но живописью особенно не зарабатываешь. А Сандро теперь — человек семейный. Его жена — одесситка Аза Канторович. Фазини занимается рекламной фотографией — пригодилось второе увлечение. Но даже в снимках интерьеров и мебели угадывается ироничный взгляд (или, правильной, рука). Он снимает в Италии, Швейцарии, Испании, Бельгии. Приглашают его как "фотографа-модерниста". Занимается и художественной фотографией — его работы были представлены на Международной выставке 1937 года. Сохранились письма Фазини младшему брату Илье в Москву, во время поездки И. Ильфа и Е. Петрова во Францию, в 1933 году братья встретились.

Парижский художник и фотограф Сандро Фазини...

Пишет отцу и братьям, и все у всех так хорошо складывается. Ах, как хорошо все складывается у братьев — и во Франции, и в России.

Умирает Ильф — в 1937. Начинается Вторая мировая война — в 1939.

Горькая мудрость предков: если бог хочет покарать, он исполняет мечты. Как мечтал юный Сандро о Франции,

Париже, Монмартре. И жил он здесь двадцать лет. Но Мекка художников десятых годов обернулась Голгофой в сороковых.

20 июля 1942 года Сандро Фазини арестован. Концлагерь Дранси под Парижем, затем Освенцим-Аушвиц. В 1944 году казнен вместе с женой в Аушвице.

Как написал поэт, погибший в другом, сибирском концлагере на шесть лет раньше:

Нам с музыкой-голубою
Не страшно умереть,
Там хоть вороньей шубою
На вешалке висеть.
Все, Александр Герцевич,
Заверчено давно.
Брось, Александр Сердцевич,
Чего там! Все равно.

В семейном архиве Александры Ильф сохранились письма Фазини. Два из них — дяде Натану Файнзильбергу в США и Марии Николаевне Ильф печатаются с любезного разрешения А.И. Ильф.

Фазини — М.Н. Ильф

7 мая 1937

Дорогая Маруся

мы получили Ваше письмо и книгу почти одновременно. Если я сам до сих пор ничего не писал Вам, то это только потому, что я не находил нужных слов. Только с Вашим письмом я по-настоящему осознал весь ужас того, что произошло. О смерти Илья я узнал на другой же день, 14-го в половине второго дня, по радио. Я почти никогда не слушаю радио днем. В этот день я почему-то открыл его. Я услышал конец какой-то английской телеграммы и вслед за этим, немедленно, французский пост объявил о смерти Илья. Это было так внезапно, так оглушающе, что я даже не был в состоянии верить или сомневаться в том, что я услышал. В тот же день вечером я нашел заметки в газетах "Temps" и "Ce soir".

Я постоянно думал об Илье, а в последние дни особенно часто. Я мечтал о том, что он придет сюда, как когда-то мне обещал, с Вами, с ребенком. Такие люди, как Илья, никогда не уходят, не уезжают совсем. Они всюду ос-

тавляют по себе часть себя. Улицы, по которым мы с ним бродили, до сих пор насыщены им. Маленькое синема, что подле меня и в которое Илья так любил ходить, всякий раз, когда я прохожу мимо него, заставляет меня особенно интенсивно думать о нем.

Я мало знал Илью юношей. Я узнал его по-настоящему только здесь, в первый его приезд. Я Илью не только полюбил, я влюбился в него. В нем столько было очарования. Илья меня восхищал своим умом, совершенством своего характера, и если я когда-либо испытал настоящее чувство гордости, то именно в этот период нашей близости.

Уже в первый раз, когда он пришел ко мне, я отнесся с некоторой подозрительностью к румянцу на его щеках. Мне казалось, что я не помнил его таким, но он был так бодр, так весел и разговорчив, когда мы оставались одни, что я скоро перестал обращать на это внимание. Конечно, он иногда пугал меня своей нервозностью, вспышками какой-то чрезмерной нежности. Но это были мгновения. Во всяком случае, в течение этого месяца он ни разу не жаловался на свое здоровье, несмотря на то, что жизнь он здесь вел достаточно утомительную. Днем, в большинстве случаев, мы с ним бегали по городу. Вечером он всегда бывал куда-либо приглашен и приходил ко мне после 12 ночи. Оставался поздно и бесконечно рассказывал. Мне еще о стольком хотелось расспросить, о чем только он мне мог рассказать. Я все откладывал, все надеялся на то, что он придет на более продолжительный срок, и с Вами, что мы поедем к морю, где не будет никаких визитеров, ни беготни. Никак я не думал, что все это так быстро, так ужасно кончится.

Когда Илья вернулся из Америки, я пошел встречать его на вокзал. Я нашел, что он похудел, мрачноват, но не чрезмерно. Мне казалось, что он должен был все же устать от такого длительного путешествия. Я отвез его в отель, и так как мне нужно было забежать на минутку домой, то Илья попросил меня принести ему термометр. Я спросил его, не простужен ли он: "Не знаю, что-то нездоровится".

Когда я вернулся, мы отправились в ресторан. При сильном свете Илья мне показался гораздо более похудевшим и усталость его более острой, но весь вечер он был очень оживлен и много говорил об Америке.

Не помню, было ли это на другой день или через день, мы с Илей пошли погулять. Гуляли не дольше обыкновенного, и вдруг он помрачнел, стал жаловаться на усталость и захотел вернуться. Тогда мне показалось, что эта внезапная усталость была следствием небезосновательного испуга. А произошло вот что. Когда мы с Илей пересекали Тюильри, с проезжавшего

мимо нас грузовика сорвался огромный мешок угля и упал так близко у ног Или, что все прохожие испуганно шарахнулись в сторону. И было отчего — такой мешок несомненно весит пудов 7-8, и попади он на Илю, без сильного увечья не обошлось бы. При той впечатлительности, которой отличался Иля, этот случай не мог пройти для него незаметно.

Когда мы вернулись в отель, Иля прилег. Вечером они с Женей должны были куда-то пойти, но Иля отказался и не пошел. Лежал, все время измеряя температуру, которая у него была нормальная, но тут я впервые заметил, что Иля кашляет как-то нехорошо, частым суховатым кашлем. Настроение у него сделалось ужасное, все время возился с термометром, жаловался на усталость, боится, что у него туберкулез, что врачи в Нью-Йорке советовали прекратить путешествие.

Напугал он меня страшно, так как я понимал, что здесь дело не только во мнительности. Я умолял Илю остаться еще на несколько дней, отдохнуть, посоветоваться со здешними лучшими врачами-специалистами, успокаивал его как мог, зная, что здесь в лечении легочных больных сделали огромный прогресс. Иля ничего не хотел слушать. Ему страшно быть так далеко от Москвы без Вас, без Сашеньки. Все мои уговоры ни к чему не привели.

На другой день я обо всем этом очень серьезно говорил с Женей. Женя меня в течение двух часов уверял, что у Или никакого туберкулеза нет. Правда, первый врач в Америке (кажется, женщина), который Илю выслушивал, будто бы говорил об этом, но будто бы это предположение было опровергнуто радиографич. снимками второго врача, специалиста по легочным болезням.

Не знаю, дорогая Маруся, что обо всем этом думать, мне, как и вам, мало понятны соображения врачей, скрывающих правду. Может быть, здесь Илю и спасли бы. У меня не было никаких оснований не верить Жене, он меня так искренне уверял, что положение Или не опасно, но все же я остался с очень тягостным чувством и страхом за Илю.

Рассуждать об этом теперь уже более чем поздно, и все же мучительно рассуждаешь. Вы, так же как и я, знаете, что никакое утешение не даст Вам забыть Илю. У Вас есть Сашенька, берегите ее и себя. Вы приедете сюда с нею, возможно ли это?

Письмо Фазини дяде Натану

в Северо-Американские Соединенные Штаты

Прислано мне в 1992 году моей кузиной Франсис Файнсилвер-Блюментол, живущей в Хартфорде, штат Коннектикут.

А. И.

Constantinople

23 апреля 1922

Дорогой дядя Натан,

вчера, наконец, я получил Ваше письмо от 30 марта. Я очень обрадовался ему и прослушал его (к сожалению, я не знаю еврейского языка) с большим вниманием. Все то, что Вы говорите о жизни в Америке, мне очень понятно, и я думаю, что на многие из Ваших замечаний Вы уже, вероятно, нашли себе ответ в моем письме к Вам отсюда, которое, вероятно, уже получено Вами. Я себя нисколько не обманываю и прекрасно понимаю, что никому не может доставить удовольствия, когда ему на голову свалится человек, которого, как будто, надо будет содержать. Меньше всего я хочу этого. И если у меня не было бы уверенности в том, что я сам смогу себя прокормить, я не стал бы Вас беспокоить. Я достаточно взрослый человек, чтобы отдавать себе ясный отчет в том, что я собираюсь делать. К сожалению, сейчас нельзя делать выбора, и выбирать Россию сейчас как поприще — значит выбрать смерть. Вам, за отдаленностью от России, это, я думаю, трудно себе представить. Но представить себе, что такое Россия теперь, человеческому уму невозможно. Это нужно увидеть собственными глазами, и только тогда можно понять. Если бы я был один, это еще не страшно, я еще, может быть, протянул бы полгода или больше, но там мама, папа, братья, и при одной мысли, что их скоро ждет участь тех, которые уже умирали на виду у всех, без всякой помощи, эта мысль мне совершенно невыносима, и Вам тоже, я думаю, трудно будет помириться с тем, что Ваш брат умирает от того, что вот уже два года ему нечего есть, и что если я еще буду раздумывать, собираться что-либо сделать или ждать, пока в России можно будет жить, то этим я обрекаю своих родных на неминуемую смерть. Такое положение было полтора месяца тому назад. Я уехал, оставив родителей больных, крайне истощенных, преждевременно состарившихся от тяжелого, им непривычного труда. Оставил их без уверенности в том, что они проживут еще месяц. Поверьте, что это не слова, это самая ужасная правда. Вот почему я не мог выбирать или бояться тяжелой жизни в Америке.

Что в Америке жизнь трудна, что там идет жестокая, каждодневная борьба за существование, я знаю давно и к этому подготовлен. Будучи по профессии художником и зная хорошо это ремесло и испытав в течение многих лет тяжесть труда, я хочу надеяться, что сумею устроиться и в Америке. В России, в прошлые, конечно, годы, у меня была уверенность, и я зарабатывал большие деньги. В Америке, где на все большая конкуренция, такие деньги, конечно, сразу иметь трудно, но я никогда не был последним и всегда выделялся. Все это дает мне основание думать, что я не буду Вам в тягость. Конечно, на первое время мне трудно будет, вероятно, обойтись без Вашей помощи, но это только на самое короткое время, и Ваша помощь должна быть только временной. Мне трудно, конечно, выразить Вам мою благодарность за всю ту помощь, которую Вы мне оказываете и, я вижу по Вашему письму, искренне хотите оказать. Такие вещи трудно передаются словами, и я надеюсь при встрече с Вами и ближайшем знакомстве заслужить Вашу любовь и уважение.

Вчера я отправил Вам вторую телеграмму, в которой сообщаю, что нами уже получены визы. Так что Ваши хлопоты о нас для въезда в Америку значительно упростились. Здесь о нас хлопотали у американского консула видные представители английской колонии, которые нас хорошо знают, и, благодаря их хлопотам и поручительствам за нас, мы получили разрешение на въезд в Америку в более короткий срок, чем обычно на это уходит, если хлопочут из Америки. Так что Вам придется только удостовериться при нашей высадке в Нью-Йорке, что мы есть именно те, за которых мы себя выдаем, т. е. Ваши родственники, и что Вы за нас, в свою очередь, ручаетесь. Конечно, очень важно, чтобы Вы, дядя, или Ваши братья, или же, в крайнем случае, Котлов, встретили нас при приезде. Затем я Вам сообщаю в телеграмме, что высланные Вами мне деньги до сих пор еще не прибыли. К сожалению, это так, и совершенно не понятно, почему. Ни в Вашей телеграмме, ни в письме нет указаний, на какой банк Вы их выслали. Я несколько раз уже справлялся во всех тех банках, на которые обыкновенно переводят деньги из Америки, но никаких извещений там еще нет. Нет ничего также и в консульстве. Это все меня очень беспокоило, так как мне хотелось на эти деньги послать что-либо домой. Здесь узнать, почему деньги не прибыли, нет возможности, это можете узнать только Вы в том банке, через который послали.

Я и на этот раз просил Вас выслать деньги телеграфно, потому что здесь не следует задерживаться. Жизнь здесь очень дорогая, дороже, чем где бы то ни было, и время проходит совершенно бесплодно, так как зара-

ботков ... (прзб. для ?) художников здесь никогда не было и нет. Такой уж это город.

Теперь относительно Альтермана. Ничего обязательного, конечно, в моей просьбе помочь и ему, для Вас, по-моему, нет. Если у Вас есть возможность сделать это и без большого труда, то я думаю, что Вы, дядя, сделаете это. Если же нет, то тоже в этом греха большого не будет. Как-нибудь вывернемся из этого положения. Если Вы можете выложить для него сумму, нужную на переезд — хорошо. Если же нет, я сам ликвидирую в Америке часть его вещей, о которых я Вам уже писал, вышлю ему эти деньги, и тогда приедет и он. Помощи там на месте ему нет никакой, а в особенности, денежной. У него есть в Америке родственники, но он не знает их адреса. О его родственниках нужно узнать в Нью-Йорке — 441 Brooclyn, William's Av. Ева Френкель. Эта Френкель должна знать, где находится Миша Воскобойников, он (Альтермана) двоюродный брат. Альтерман Григорий (Гдаль) 32 лет, уроженец местечка Верба Дублинского уезда Волынской губернии. Я, Файнзильберг Александр (Саул) 30 л. Уроженец Киева. Это те сведения, которые нужны Вам для документов. Лучше всего, конечно, было бы, если за нас обоих могли поручиться Вы, если Вы это только считаете возможным для себя. Вот, собственно говоря, кажется, все, что мне нужно было...

Окончания письма нет.

